

Доброноженко Галина Федоровна

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СУДЕБНЫХ РЕПРЕССИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИКИ
"ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА" (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930 Г.)**

В статье проанализирована проблема нормативно-правового механизма судебных репрессий в деревне при осуществлении политики "ликвидации кулачества как класса", фактически "выпавшая" из поля зрения историков. Рассмотрены отличия в применении репрессий за социальный статус "кулак" в судебном порядке от внесудебных репрессий. Показаны изменения, внесенные в основные принципы уголовного права, направленные на превращение судебной политики в важнейшее оружие в развернувшейся войне власти против крестьянства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/12.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 49-54. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

В то же время религиозным лидерам необходимо осознавать ответственность и помнить, что условием принадлежности религиозных организаций к институтам гражданского общества является их независимость от даров государства. В противном случае религиозные организации становятся придатком государства и идеологическими служанками власти.

Список литературы

1. **Басов В.** Опасный синдром // Комсомольская правда. 2011. 21 января.
2. **Бурьянов С.** Светское образование на алтаре сакрализации власти [Электронный ресурс]. URL: <http://portal-credo.ru/> (дата обращения: 17.03.2011).
3. **Государственно-конфессиональные отношения:** сборник документов и методических материалов. Нальчик, 2009. 133 с.
4. **Кому даровал Бог и знания, и разум** [Электронный ресурс]. URL: <http://na.adm-kbr.ru/> (дата обращения: 21.03.2011).
5. **Огородник В. И.** Религия и гражданское общество: некоторые вопросы истории и теории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iai.donetsk.ua> (дата обращения: 18.03.2011).
6. **Осипова Л. В.** Правовое регулирование статуса религиозных объединений // Современное право. 2008. № 3. С. 26-33.
7. **Эмиров Э.** Религиозные объединения в условиях формирования гражданского общества // Дагестанская правда. 2009. 16 января.

STATE AND RELIGIOUS SOCIAL ORGANIZATIONS: INTERACTION AND DEVELOPMENT UNDER MODERN CONDITIONS (BY THE EXAMPLE OF KABARDINO-BALKARIA)

Fatima Rashitovna Dzhantueva, Ph. D. in History

Center of Social-Political Researches

Kabardino-Balkaria Scientific Center of Russian Academy of Sciences

kob-dfr@mail.ru

The article tackles the problems of the interaction of state and religious social organizations by the example of Kabardino-Balkaria. Being the institutional form of expressing religion and the most important condition of its social existence religious associations are created and act with the purpose of the satisfaction of people's religious needs determining the essence and destination of religious associations. The author pays special attention to revealing the problems of the interaction of state and religious associations.

Key words and phrases: religious associations; civil society institutions; Islam; Orthodoxy; state-confessional; poly-confessional society.

УДК 058.244(323.325)

В статье проанализирована проблема нормативно-правового механизма судебных репрессий в деревне при осуществлении политики «ликвидации кулачества как класса», фактически «выпавшая» из поля зрения историков. Рассмотрены отличия в применении репрессий за социальный статус «кулак» в судебном порядке от внесудебных репрессий. Показаны изменения, внесенные в основные принципы уголовного права, направленные на превращение судебной политики в важнейшее оружие в развернувшейся войне власти против крестьянства.

Ключевые слова и фразы: «ликвидация кулачества как класса»; законодательство, регламентирующее нормативно-правовой механизм судебных репрессий; «классовый подход» в уголовном праве.

Галина Федоровна Доброноженко, д.и.н.

Кафедра истории, политологии и социологии

Сыктывкарский государственный университет

g_dobronozhenko@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СУДЕБНЫХ РЕПРЕССИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИКИ «ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА» (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930 Г.)[©]

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 9-01-41103 а/с)
«Аграрная модернизация Европейского Севера в XX в. (на материалах коми деревни)».*

В конце 1929 г. власть официально объявила о переходе к реализации стратегической задачи, определенной большевистской теорией, - упразднение «класса единоличное крестьянство» и создание «класса колхозное крестьянство». На первом этапе (1930-1932 гг.) реализация этой задачи происходила под лозунгом «ликвидация кулачества как класса». В официальном названии политики была четко определена ее основная цель и особенность реализации - ликвидации подлежали крестьянские хозяйства за групповой социальный («классовый») статус «кулак».

В исторической литературе нет единой дефиниции терминов «ликвидация», «раскулачивание» и «экспроприация» кулацких хозяйств. Наиболее распространено использование понятий «ликвидация кулацких хозяйств» и «раскулачивание» как синонимов. Как правило, в исследованиях не приводится определение этих понятий, и синонимичность их трактовки становится очевидной при анализе используемой терминологии. В некоторых случаях исследователь прямо указывает: «проблема "ликвидации кулачества как класса" (иными словами, "раскулачивание")» [2, с. 144].

Приведем характерное для современной литературы определение понятия «раскулачивание» через характеристику методов его проведения: «система многообразных хозяйственных ущемлений, запретов, конфискации и жестоких административно-политических, даже уголовных преследований, лишения политических прав, ссылок, арестов» [3, с. 171].

Более убедительной представляется точка зрения исследователей, которые под «раскулачиванием» понимают только конфискацию (экспроприацию) имущества кулацких хозяйств. С. Максудов выделяет два «типа» (фактически - метода или способа) раскулачивания: «прямое раскулачивание», т.е. «кампания конфискации имущества по решению местных властей», и «экспроприация по суду» [9, с. 26, 30, 34].

Представляется, что понятие «ликвидация кулацких хозяйств» значительно шире понятия «раскулачивание». В отношении кулаков применялись многообразные формы репрессий как во внесудебном порядке, осуществляемые по решениям органов исполнительной власти и ОГПУ, так и в судебном порядке (конфискация имущества, ссылка, принудительные работы, лишение свободы и др.). Следовательно, «раскулачивание» (экспроприация, конфискация имущества) - это одна из форм репрессий в отношении кулаков.

Особенность внесудебных репрессий состояла в том, что достаточным основанием для их применения был сам факт идентификации крестьянского хозяйства как кулацкого; репрессии применялись не за индивидуальный статус («кулак»), а за принадлежность к социальной группе «кулаки». Формы внесудебных репрессий определялись в зависимости от приписывания кулака к одной из трех категорий на основании политического (мера лояльности политике власти) и социального (степень зажиточности) признаков.

Репрессии по решению судебных органов носили индивидуальный характер и применялись за совершение «уголовно наказуемого действия». В конце 1920-х гг. судебные репрессии в деревне приобретают политический характер: меры социальной защиты определялись не только характером преступления, но и социальным статусом подсудимого.

Историки традиционно активно изучают репрессии, проводимые органами исполнительной власти и ОГПУ (особенно - административное раскулачивание и депортация раскулаченных семей).

Нормативно-правовая база, механизм осуществления и роль судебных репрессий в проведении политики ликвидации кулацких хозяйств не принадлежат к приоритетным темам исследований. Судебные репрессии в работах историков-аграрников рассматриваются главным образом при характеристике репрессий 1932-1933 гг. по «закону о пяти колосках» и проведении хлебозаготовок 1932/33 г. Отдельные сведения, касающиеся нормативно-правовой базы судебных репрессий, приводятся в исследованиях, посвященных истории пенитенциарной системы.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927-1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях за совершенное преступление в зависимости от социального статуса. Особые меры социальной защиты и особый порядок возбуждения уголовного преследования в отношении «кулацких элементов деревни» оговаривались и разъяснялись в секретных подзаконных актах 1928-1929 гг. [6, с. 405-416].

С объявлением политики «ликвидации кулачества как класса» были внесены изменения в формулировки отдельных статей УК РСФСР 1926 г., предусматривавшие не только ужесточение репрессий, но и *применение особых форм наказаний в отношении кулака*.

30 марта 1930 г. была принята новая редакция ст. 60, которой вносились изменения в формы наказаний, применяемые за невыплату налоговых платежей во второй раз [15]. В редакции 1927 г. - «исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей», в редакции 1930 г. - «лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф не свыше десятикратного размера причитающихся платежей». К формулировке «те же действия, совершаемые группой лиц по предварительному соглашению» было добавлено: «а также совершаемые хотя бы и без предварительного соглашения лицами, принадлежащими к хозяйствам, отнесенным <...> к числу кулацких».

Однако, несмотря на внесенные изменения, большинство статей УК РСФСР 1926 г. по-прежнему не предусматривали применение «классового подхода». Так, не была принята новая редакция ст. 61. Последняя редакция (28 июня 1929 г.), ужесточив карательные санкции за «отказ от выполнения повинностей или производственных работ, имеющих общегосударственное значение», не указывала на применение особых форм наказаний в отношении кулаков. Требование строгого соблюдения «классового принципа» оговаривалось в секретных директивах органов юстиции.

В постановлении Верховного суда «Об усилении репрессий за преступления, связанные с лесозаготовками и сплавом» (14 февраля 1930 г.) предлагалось за «умышленный отказ» и уклонение от выполнения работ по заготовкам, вывозке и сплаву леса в отношении бедняков и середняков применять ст. 61 и назначать принудительные работы. В отношении «кулацко-зажиточных элементов» эти преступления квалифицировались также и по ст. 131 (лишение свободы на срок «не ниже шести месяцев с конфискацией всего или части имущества») и ст. 169 (ч. 2) (лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества)). В разъяснении указывалось, что в отношении кулаков суды «в качестве дополнительной меры социальной

защиты, как правило, должны применять конфискацию имущества и ссылку». «Агитация, направленная к срыву работ», подлежала квалификации как «выступление классового врага» (ст. 58 УК) [11, д. 123, л. 20].

Требование соблюдения судами «классовой выдержанности» при рассмотрении дел по преступлениям, связанным с невыполнением хлебозаготовок, содержалось в директивном письме наркома юстиции РСФСР от 12 июля 1930 г. «Об участии органов юстиции в проведении хлебозаготовительной кампании» [24, с. 541-542]. Кулаки за невыполнение хлебозаготовок привлекались по ст. 61 («наложение кратного штрафа и реализация имущества за неуплату последнего, а в случаях, указанных в законе, и предание суду»), а за «спекуляцию хлебными продуктами» - по ст. 107 (лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества).

«Иной подход», чем к кулакам, предлагалось применять в отношении середняков. В письме разъяснялось, что «просрочка в вывозе хлеба в течение нескольких дней, недовывоз нескольких пудов, невыполнение заданий вследствие фактической его невыполнимости» середняцкими хозяйствами «не могут служить основанием для наложения кратных штрафов». Применение штрафа в отношении середняков допускалось лишь в случае «заведомого уклонения от выполнения постановления общего собрания», а размер штрафа определялся «в зависимости от мощности хозяйства, не достигая обязательно предельных, установленных законом, его размеров (пятикратка)».

В целях поддержки коллективизации в январе 1930 г. в уголовное право был введен новый вид преступлений, которые власть сформулировала в целях поддержки коллективизации. Была принята новая редакция ст. 79, дополненная особым пунктом (79-1), предусматривающим «лишение свободы на срок до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой» за «хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства» [14]. Таким образом, впервые в советском законодательстве вводилось судебное преследование не только за «умышленное истребление или повреждение» государственного или общественного имущества, но и за те же «преступления» в отношении личного имущества подсудимого.

В специальном разъяснении пленума Верховного суда РСФСР от 6 апреля «О применении ст. 79-1» оговаривалось, что она применяется «только в отношении кулаков». «В особо злостных случаях» кулаки за преступления, перечисленные в ст. 79, должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 58 «по главе о контрреволюционных преступлениях» (решение пленума Верховного суда РСФСР от 18 февраля 1930 г.) [20, с. 1].

Одной из основных задач суда провозглашается «выявление классовой социальной физиономии обвиняемого», так как социальный статус определял квалификацию дела и назначение наказания. В специальном разъяснении Верховного суда от 8 марта 1930 г. «о точном установлении классовой принадлежности обвиняемых» говорилось: суды «не могут основываться только на анкетных данных», «надо сугубо внимательно подходить к определению классовой принадлежности обвиняемого», проверять их «социальное лицо» и «выявлять скрытого кулака». Судебные работники должны выяснять, «является ли обвиняемый еще середняком или он уже по своему экономическому состоянию, по своим действиям является врагом Советской власти и ее мероприятий» [22, с. 5-6].

С началом осуществления «ликвидации кулачества как класса» одной из наиболее распространенных форм репрессий в деревне стала конфискация имущества, которая применялась и по решению органов исполнительной власти (раскулачивание) и в качестве наказания по решению судебных органов.

Порядок проведения раскулачивания регламентировался директивами, принятыми в конце января - начале февраля 1930 г. (постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации, высылке и расселении кулаков» от 30 января, ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля и др.). Конфискации подлежало *все имущество кулацкого двора* (средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, производственные и торговые предприятия, денежные средства, продовольственные запасы, излишки домашнего имущества и пр.).

Порядок конфискации имущества по решению суда определялся ст. 40 УК РСФСР 1926 г., предусматривающей «принудительное и безвозмездное отчуждение в пользу государства *всего или точно определенного судом имущества осужденного*, являющегося его личной собственностью или долей в общей собственности». Особо оговаривалось имущество, не подлежащее конфискации: «необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством существования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производства» [25, с. 18].

По мнению региональных органов юстиции, рассматривающих конфискацию имущества кулака как «средство экономического обезоруживания классового врага», ст. 40 содержала «формальные ограничения», тормозившие «принятие решительных мер против сопротивления кулачества» [21, с. 1-2].

В начале 1930 г., в соответствии с общей направленностью провозглашенной властью политики массовой экспроприации кулацких хозяйств и секретными директивами об устранении «формальных препятствий» в деле наступления на «классового врага», региональные органы принимают решения о назначении судами конфискации всего имущества кулаков за преступления, связанные с невыполнением государственных повинностей.

Так, Северный краевой суд 25 января, сославшись на статью «К вопросу о ликвидации кулачества как класса», опубликованную в газете «Правда» 21 января, направил всем окружным судам секретное письмо «О мерах социальной защиты в отношении кулачества за невыполнение норм лесозаготовок и по другим преступлениям». За все совершенные кулаками преступления предлагалось проводить конфискацию имущества исключительно «в объеме полной экономической ликвидации», чтобы лишить кулака производственных источников его существования и развития». В директиве содержалось очень важное замечание: «Хотя бы подобное применение названной

меры социальной защиты и противоречило формальным, ныне существующим правовым нормам». Документ запрещал окружным судам «ссылаться в приговорах на это секретное письмо» [5, д. 3, л. 16].

Местные судебные работники, получив секретные директивы, принятые в нарушение ст. 40, не понимали, «в каких пределах допускается конфискация имущества <...> при осуждении отдельных членов крестьянского двора» («допускается ли в этих случаях конфискация имущества всего двора или только имущества, принадлежащего осужденному в соответствующей доле»).

Верховный суд РСФСР принял специальные разъяснения по этому вопросу («О порядке применения конфискации имущества по суду (ст. 40)» от 28 марта, «О порядке применения конфискации имущества по делам, в которых обвиняемыми являются кулаки» от 6 июля 1930 г.) [19, с. 3-4; 21, с. 1]. В документе отмечается, что «некоторые суды» не понимают «принципиальной разницы» между двумя типами конфискации имущества: «раскулачиванием, производимым лишь на базе сплошной коллективизации в отношении кулачества как класса» и «конфискацией имущества по суду как меры социальной защиты», которая применяется «против классового врага, совершившего конкретное преступление».

Верховный суд указал, что при определении судом размера конфискуемого имущества «необходимо установить роль осужденного во дворе (домохозяин и т.д.), характер преступления, использование экономического преимущества для совершения преступления и т.д. и соответственно этому решить вопрос, необходимо ли по признаку социальной опасности ликвидировать весь двор как кулацкую ячейку». При этом указывалось, что «могут быть случаи, когда обстоятельства дела требуют конфискации имущества не только осужденных, но и всего двора». Суды должны были применять дифференцированный подход. В случае, «когда члены семьи осужденного остаются на месте, т.е. не высылаются, или порывают связь с осужденным», суд «должен оставить им минимум необходимого имущества для продолжения сельского хозяйства». Если же «во дворе не остается никого из членов семьи или когда конфискуется только доля имущества, принадлежащего осужденному», суд «ставит вопрос о неприменении ограничения, предусмотренного 40 ст. УК в отношении конфискуемой доли».

В начале 1930 г. коренной реорганизации подвергается традиционный тип наказания - ссылка в отдаленные регионы страны.

Впервые вводится особый вид ссылки, не имеющий аналогов в карательной практике, - массовая депортация раскулаченных семей органами ОГПУ. Этот вид ссылки регламентировался общеизвестными нормативными документами партийных и советских органов, карательными актами ОГПУ (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., приказ ОГПУ № 44/21 о «ликвидации контрреволюционного кулацкого актива и выселении кулаков и их семей» от 2 февраля, секретная инструкция ЦИК и СНК СССР «о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков» от 4 февраля).

Ссылка как мера уголовной репрессии («удаление из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местностях»), введенная УК РСФСР 1926 г., применялась в судебной практике до конца 1920-х гг. в незначительных размерах [12, с. 90-92; 26, с. 5-6]. С объявлением политики «ликвидации кулачества» институту судебной ссылки было отведено особое место в предстоящих массовых репрессивных акциях в деревне.

Законодательным актом, определившим новую систему судебной ссылки, стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 января 1930 г. «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам». 12-13 января специальные директивы о ссылке были изданы НКВД и ГУМЗ [1, с. 69-70, 73-77].

Впервые в советском уголовном законодательстве кроме ссылки в определенную местность («простая ссылка») был введен новый тип судебной ссылки, соединенной с исправительно-трудовыми работами.

В отличие от УК РСФСР 1926 г., предусматривающего принудительное поселение осужденного на срок не свыше пяти лет, постановлением от 10 января ссылка обоих типов назначалась на срок до десяти лет.

Применение ссылки предусматривалось статьями 58-2 - 58-14, 59-2 ч. 1 п. "а", 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-7, 59-8 ч. 1, 59-9, 59-10, 59-12, 74 ч. 2, 104, 107, 116 ч. 2, 117 ч. 2, 118, 123, 129а, 136, 140 ч. 2, 142 ч. 2, 153 ч. 2, 155, 162 п. "б", "в", "г" и "д", 164 ч. 2, 165 ч. 3, 166, 167, 169 ч. 2, 173 и 175 ч. 2 и 3.

Ссылка, не соединенная с принудительными работами, применялась как основное, так и дополнительное к лишению свободы наказание. Как основная мера социальной защиты «простая ссылка» применялась в случаях, когда суд признал, что «социальная опасность осужденного может быть устранена его поселением в определенной местности под постоянным надзором без применения лишения свободы»; как дополнительная мера - когда «повышенная социальная опасность осужденного требует определенного надзора за ним даже после отбытия им назначенного по приговору срока лишения свободы».

Ссылка, соединенная с принудительными работами, применялась лишь в качестве единственной меры социальной защиты, если «суд признает целесообразным оказать на осужденного исправительно-трудовое воздействие». Принудительные работы назначались судом (на весь срок ссылки или на часть его), который в общих чертах оговаривал в приговоре способ использования осужденного (физическая работа или служба в учреждении). Ссылные доставлялись на место поселения под конвоем, однако в отдельных случаях, «с разрешения прокурорского надзора», допускался выезд на место ссылки без конвоя за собственный счет осужденного. Организация принудительных работ возлагалась на местные управления исправительно-трудовых учреждений; административные отделы организовывали работы «в различных областях общественно-полезной деятельности (разработка земли, расчистка леса, обслуживание учреждений и предприятий и проч.)».

Постановление от 10 января 1930 г. региональные органы юстиции восприняли как законодательный акт, позволяющий приступить к проведению массовых акций по выселению из деревень «контрреволюционного элемента», сопротивляющегося коллективизации. Приведем в качестве примера постановление президиума Московского облсуда от 25 января по вопросу «об ужесточении классовой политики судов в связи с

обострением классовой борьбы». Судам предлагалось применять ссылку в тех случаях, когда «кулакам, торговцам, спекулянтам» был вынесен оправдательный приговор «при недоказанности обвинения», а также «если эти элементы и не совершили конкретного уголовного преступления - по предложению прокуратуры, общественных организаций» [18, с. 2-3].

После принятия документов, регламентирующих массовую депортацию по решениям административных органов, решения региональных судебных органов, расширяющих действие постановления от 10 января, были отменены (решение Московского облсуда как не соответствующего «общей политике правительства» пленум Верховный суда отменил 18 февраля 1930 г.).

Определим основные отличия двух типов ссылки, применяемых в 1930 г. (в судебном порядке на основании постановления от 10 января и административной, осуществляемой органами ОГПУ по постановлению от 30 января). Во-первых, массовая депортация в административном порядке касалась всех членов кулацкой семьи, т.е. носила семейный характер; ссылка в судебном порядке применялась в отношении лица, приговоренного судом к этой мере социальной защиты. Во-вторых, административная ссылка раскулаченных семей предусматривала бессрочное выселение, а срок судебной ссылки определялся приговором суда.

Несомненно, что масштабы депортации кулацких семей по решениям административных органов значительно превышали судебную ссылку. Так, в Коми области, которая в 1930 г. была одним из основных регионов кулацкой ссылки, к концу года находилось 21 766 спецпереселенцев и 3 018 ссыльных по судебным приговорам. Изменился социальный состав ссыльных: в 1920-е гг. - это интеллигенция, «духовенство и сектанты», «бывшие» (помещики, полицейские и пр.), представители «антисоветских партий», а в 1930 г. - 75% ссыльных составляли кулаки и «деревенский антисоветский элемент» [10, д. 85, л. 102, 151].

В конце 1920-х гг. секретными директивами органов юстиции был определен особый порядок возбуждения уголовного преследования и рассмотрения в судах дел в отношении кулаков. Упрощалась процедура предварительного расследования, «для скорейшего рассмотрения дел» проводились выездные сессии судов, судили «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке», не допускались оправдательные или условные приговоры, ограничивались права обвиняемого на защиту [7, с. 21; 13, с. 227; 17, с. 124, 326; 23, с. 778].

Требование отказаться от процессуальных норм высказывалось в директивных указаниях региональных органов юстиции, регламентирующих участие судебно-следственных органов и прокуратуры в проведении «политических кампаний». Так, в докладе прокурора Северо-Двинского округа на съезде судебно-следственных работников (17-22 января) предлагалось: кулаков, не выполняющих возложенных на них заданий, «брать под стражу, установить «кратчайшие сроки расследования», «создавать ударные бригады, состоящие из судьи, нарследователя и милиционера», «применять показательные процессы» [4, д. 274, л. 71].

Эти же установки были определены и в директивном письме прокурора округа от 20 февраля: судить кулака «беспощадным образом», дела рассматривать в «ударном порядке» («расследовать сразу же без дознания, выехав на место, вызвав кулака обвиняемого, председателя сельсовета и крестьян-бедняков, колхозников свидетелями», «выносить приговор, предварительно произведя опись имущества» и пр.) [Там же, д. 128, л. 19].

Итак, на рубеже 1920-х - 1930-х годов коренным образом изменился политический контекст, в котором функционировало советское правосудие. Стремление власти превратить судебную политику в важнейшее оружие в борьбе за «социалистические преобразования сельского хозяйства» нашло отражение в следующих основных принципах уголовного права.

Во-первых, *правовыми принципами*, ставшими сердцевиной нового построения уголовного права, были принцип *усмотрения*, определяющий широкий диапазон применяемых санкций, и принцип *дискриминации по «классовому» признаку*. Законодательство предписывало судьям выбирать наказание (в терминологии рассматриваемого периода - «меру социальной защиты») в соответствии с «классовыми» приоритетами власти.

Во-вторых, особенностью уголовного права, вытекающей из сформулированных правовых принципов, стала перекалфикация обычных уголовных обвинений в «контрреволюционные». Уголовное законодательство приобрело такую эластичность, что позволяло политизировать практически любое преступление, совершенное «классовым врагом».

В-третьих, в Уголовный кодекс были введены новые виды преступлений, отражающие новые политические приоритеты власти. Впервые преступлением был объявлен убой крестьянином собственного скота.

В-четвертых, отказ от следования процессуальным нормам и стандартам системы доказательств без проведения синхронных изменений в Уголовно-процессуальном кодексе. Требования проведения молниеносного следствия, суда на месте и обязательного осуждения «классового врага» были сформулированы в секретных директивах органов юстиции. Работники органов юстиции в своей повседневной работе руководствовались лозунгом: «Минимум формы и максимум классового содержания в судебных делах, где речь идет о врагах нашего класса» [16, с. 1-2].

Список литературы

1. Бюллетень НКВД. 1930. № 5.
2. Виола Л. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение: теория, история, современность: ученые записки 1999 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Интерцентр, 1999. С. 114-162.
3. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: размышления о предпосылках того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5. Оп. 1.
5. Там же. Ф.1757. Оп. 2.

6. Доброноженко Г. Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е - первой половине 30-х годов XX века (на материалах Европейского Севера России). СПб.: Наука, 2008. 732 с.
7. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации (1927-1932 гг.) / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
8. Из истории раскулачивания в Карелии: 1930-1931 гг.: документы и материалы / науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1991.
9. Максудов С. Потери населения СССР. Вермонт, 1989. 296 с.
10. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 1. Оп. 2.
11. Там же. Ф. 136. Оп. 1.
12. Постолювская Т. Ссылка и высылка // Советская уголовная репрессия / под ред. Н. В. Крыленко. М., 1933. С. 89-110.
13. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941). Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. 465 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1930. № 3. Ст. 26.
15. Там же. № 16. Ст. 192.
16. Социалистическая юстиция. 1930. № 1.
17. Стецовский Ю. История советских репрессий: в 2-х т. М.: Обществ. фонд «Гласность», 1997. Т. 1. 597 с.
18. Судебная практика: приложение к журналу «Советская юстиция». 1930. № 3.
19. Там же. № 6.
20. Там же. № 7.
21. Там же. № 11.
22. Там же. 1931. № 7.
23. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (1927-1939): документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929. 880 с.
24. Там же. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930. 927 с.
25. Уголовный кодекс РСФСР: в редакции 1926 г. с изменениями и дополнениями на 10 февраля 1928 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1928.
26. Утевский Б. С. Ссылка с исправительно-трудовыми работами. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1934. 29 с.

**NORMATIVE-LEGAL BASE OF JUDICIAL REPRESSIONS WHILE IMPLEMENTING
“LIQUIDATING THE KULAKS AS A CLASS” POLICY (THE FIRST HALF OF 1930)**

Galina Fedorovna Dobronozhenko, Doctor in History
Department of History, Political Science and Sociology
Syktvykar State University
g_dobronozhenko@mail.ru

The article analyzes the problem of the normative-legal mechanism of judicial repressions in the village while implementing the policy of “liquidating the kulaks as a class” which practically escaped from historians’ sight. The author considers the differences between applying the repressions for the social status “kulak” juridically and extrajudicial repressions and shows the changes which were included into the basic principles of criminal law aimed at the transformation of judicial policy into the most important weapon in the unfolded war of authorities against peasantry.

Key words and phrases: “liquidating the kulaks as a class”; legislation regulating normative-legal mechanism of judicial repressions; “class approach” in criminal law.

УДК 94(470.45+470.44)1960/1970

В статье проанализирована совместная деятельность администрации сельских общеобразовательных школ и партийных органов по профориентационной работе на территории Нижнего Поволжья в период с середины 1960-х до начала 1980-х гг. Результаты анализа показывают, что данная работа являлась эффективным способом по привлечению молодежи в ряды сельских механизаторов.

Ключевые слова и фразы: профориентационная работа; сельская школа; производственное обучение; механизатор; ученическая производственная бригада.

Александр Викторович Захаров, к.и.н.
Кафедра экономической и политической истории России
Саратовский государственный социально-экономический университет
ZaharovAV2007@yandex.ru

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1960-Е - НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ[©]**

В советский период нашего государства большое значение отводилось совершенствованию аграрного сектора экономики, поиску путей его оптимального развития и интенсификации. Ключевым фактором,